

УДК 343.9 **Рогоза Александр.**

ББК 67.523.11

P59

Спесивцев. Мама знает. / Александр Рогоза. — Москва: ИД «Комсомольская правда», 2026. — 384 с., илл.

Дело Александра Спесивцева будоражит даже спустя треть века. Если дьявол существует, то именно он помогал маньяку оставаться вне поля зрения милиции и прокуратуры, с каждым месяцем увеличивая число прерванных жизней.

До Спесивцева не было маньяка, сообщницей которого стала бы его родная мама. Многие матери серийных убийц до конца своих дней отказывались принять правду. Бывали те, кто отказывался от своих детей, проклиная. Здесь же мать брала в руки сапожный нож, резала мертвых людей на части и выносила их останки на улицу...

Специальный корреспондент «Комсомольской правды» и автор бестселлера «Фишер. По следу зверя» Александр Рогоза проводит новое журналистское расследование и погружается в жуткие подробности одного из самых громких дел 1990-х, чтобы выяснить правду о демонах Спесивцева. Действительно близкие маньяка жили под страхом и приносили в жертву чудовищу других людей? Или же мать сама создала условия, которые сформировали серийного убийцу?

В этой книге собраны материалы уголовного дела, интервью со следователями, экспертами, очевидцами событий, близкими жертв, показания единственного свидетеля, который в 12 лет побывал в квартире Спесивцева и сумел выбраться, фото и видео с мест преступлений и другие уникальные документальные факты.

© Рогоза А., текст, 2026

© Оформление обложки, АО «Издательский дом «Комсомольская правда», 2026

Фото на обложке: releon8211/Shutterstock/
Fotodom.

Фото Александра Рогозы, из материалов уголовного дела, личных архивов Ростислава Бардокина, Сергея Плишова и Александра Орешина, а также газет «Фронт» (№ 44 (№ 213) от 06.06.1996, № 86 (№ 255) от 31.10.1996, № 92 (№ 261) от 21.11.1996, № 94 (№ 263) от 28.11.1996, № 62 (№ 336) от 30.10.1997) и «Кузнецкий рабочий» (№№ от 27.10.1990, 11.01.1997 и 07.10.1997).

Издательство «Комсомольская правда» благодарит за помощь в подготовке книги:

Руководителя управления взаимодействия со СМИ ГСУ Следственного комитета России, генерал-майора юстиции Светлану Петренко, а также сотрудниц пресс-службы СУ СК России по Кемеровской области — Кузбассу;

Председателя Кемеровского областного суда Алексея Ордынского и пресс-службу Кемеровского областного суда.

ISBN 978-5-4470-0813-0

От автора

Я приношу свои искренние соболезнования родственникам женщин и детей, убитых в квартире Александра Спесивцева.

Имена и фамилии фигурирующих в уголовном деле свидетелей по этическим соображениям ИЗМЕНЕНЫ.

Эксклюзивные интервью для этой книги дали участники расследования и эксперты:

Александр Шелков — советник юстиции, в 1996-м — старший следователь Прокуратуры Кемеровской области.

Ольга Чанышева — руководитель четвертого отдела по расследованию особо важных дел СУ Следственного комитета России по Кемеровской области — Кузбассу, полковник юстиции.

Сергей Плишов — полковник юстиции, в 1996-м — прокурор-криминалист Прокуратуры Кемеровской области.

Евгений Марычев — советник юстиции, в 1996-м — прокурор-криминалист Прокуратуры Кемеровской области.

Александр Орешин — полковник полиции в отставке, в 1996-м — замначальника уголовного розыска ЦРОВД Новокузнецка.

Ростислав Бардокин — директор Новокузнецкого городского телерадио объединения (Ново-ТВ), бывший одноклассник Александра Спесивцева, в 1996-м — криминальный корреспондент.

Михаил Зеленчуков — известный кузбасский журналист, в 1996-м — криминальный корреспондент газеты «Кузнецкий рабочий».

Василий Бейнарович — врач-психиатр, автор канала «Фауст XXI века», ведущий подкаста «Дела».

Валерий Костарев — следователь по особо важным делам Генпрокуратуры СССР и России в отставке. В 1996-м расследовал дело Новокузнецкой ОПГ.

Алексей Решетун — судебно-медицинский эксперт, сотрудник Пироговского медицинского университета, член Российского союза писателей, общественный деятель.

Татьяна Коцюк — дочь убитой Спесивцевым летом 1996 года Натальи Войновой.

Георгий Черепенько — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, ведущий эксперт-криминалист Центра по проведению судебных экспертиз и исследований АНО «Судебный Эксперт».

Наталья Панина — ассистент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) — специальность «Судебная экспертиза», специализация «Речеведческие экспертизы».

Игорь Бушманов — адвокат, в 1990-х — следователь по особо важным делам Прокуратуры Московской области.

Василий Шуров — психиатр, врач-нарколог, психотерапевт, радиоведущий, телеэксперт.

Ирина Долотова — эксперт по породе ньюфаундленд, одна из создательниц Кинологической службы спасения на водах в Москве и Московской области.

Первые отклики

Василий Бейнарович — врач-психиатр, автор канала «Фауст XXI века», ведущий подкаста «Дела».

«Когда я читал предыдущую книгу Александра Рогозы “Фишер. По следу зверя”, осознал, что держу в руках книгу, благодаря которой верю, что настоящая журналистика жива. Александр провел колоссальную работу, исследуя материалы дела, раскапывая самые ужасные и кровавые подробности деяний серийных убийц. И вот в наших руках его новая книга, подлинная, без сглаживаний углов и сантиментов, история новокузнецкого чудовища и его семьи.

Магия таланта Рогозы — в том, что с самой первой главы и до последней точки мы движемся за сюжетом будто свидетели всего происходящего. Семья Спесивцевых — это удивительный феномен в психопатологии человека, и каждая буква в книге приоткрывает нам тайны этой кровавой, жестокой, прогнившей истории. Пред вами подлинный тру-крайм и автор, который кладет на алтарь правды свою душу, пропуская через себя этих чудовищ из пожелтевших папок с делами — там, кажется, и осталась вся подлинная тьма, которая когда-то была закована в наручники».

Алексей Решетун, судмедэксперт, сотрудник РНИМУ им. Н. И. Пирогова, автор бестселлера «Копейский маньяк: История жизни и преступлений В. Яикова» и других книг, судмедэксперт, писатель, блогер, автор канала mossudmed.

«Человек создан по образу и подобию Божию, это венец творения, высшее животное, обладающее высшей нервной деятельностью, совестью и моралью. Большинство людей, населяющих нашу Землю, именно такие, живущие (сами того не осознавая) по принципу “Все люди — братья”.

Но когда-то, очень давно, брат восстал на брата и убил его. Тот поступок Каина, вызванный ревностью к Авелю, за многие века трансформировался в огромное разнообразие человеческих пороков, связанных с убийствами себе подобных. Темная сторона души под влиянием психического заболевания, алкогольного опьянения, жажды наживы или страсти затмевает все человеческое, светлое и делает человека зверем. Имена некоторых таких социопатов навеки стерты из истории человечества, но некоторые остались и даже стали нарицательными.

В книге Александра Рогозы максимально объективно, на основании материалов уголовного дела, рассказывается об одном представителе “каинова племени” — Александре Спесивцеве, на совести которого (и на совести его матери) 20 человек, убитых в конце прошлого века в Новокузнецке. Как проходило расследование преступлений “Сибирского потрошителя”, какова роль его близких в это истории и какие выводы может сделать современное общество для того, чтобы обезопасить себя, — обо всем этом вы узнаете в настоящей книге».

Пролог

У невесты было красивое белое платье с блестками. Такие называют «рыбками» — в бедрах оно облегает фигуру, снизу идут ассиметричные волны, чуть выше колена начинается боковой разрез. Визуально это немного похоже на хвост русалки. Потому и «рыбка». Одно неудобно — по улице нижнюю часть платья девушке пришлось нести на весу, чтоб не подметало асфальт.

Скромная процессия — молодые, подруга невесты, дружка жениха и фотограф — двигалась по проспекту Металлургов к мосту через небольшую реку Аба́. Я плелся за ними, держа дистанцию. В последние годы к этому месту в центре Новокузнецка часто приезжают свадьбы. Это новая традиция: молодожены обязательно должны повесить на секцию кованного парапета навесной замочек — чтобы брак был таким же крепким.

Шустрый дружка подскочил к жениху, передавав ему красное железное сердце с уже распахнутой дужкой и ключ. Потом счастливые новобрачные позировали на камеру, а дружка хлопнул бутылкой шампанского (брызги улетели в Абу), разливая по походным пластиковым фужерам...

Когда они уехали, я вышел на центр моста, склонившись над парапетом.

Мирно текущая подо мной Аба с обеих сторон закована в квадратные бетонные плиты, уложенные под углом, а с берегов по ним можно спуститься к самой воде.

У нижних плит стояла женщина и двое детей. Ребята отщипывали от белого батона мякиш и бросали уткам в воду.

Сибирский город **Новокузнецк**. Лето. Наши дни.

Стоя над рекой, я мысленно пытался отмотать «картинку» на три десятка лет назад, в начало июня 1996 года, и представить, что здесь происходило. Мне уже рассказали: тогда это место выглядело по-другому — вместо плит был земляной берег, заросший ивняком и травой. Местные пацаны строили в зарослях шалаши. И вот однажды к берегу прибило течением маленькую человеческую кисть. Потом — детскую стопу. А потом — голову и много-много других останков... Вскоре этот участок на Абе оцепили сотрудники милиции, приехали криминалисты. Отсюда, собственно, и началось расследование по делу «**Сибирского потрошителя**».

Чудовище в теле щуплого человечка с нелепым лицом и смешной прической крайне редко выходило на улицу, покидая свое гнездо. Но устроило филиал ада в собственной квартире.

В этом и есть главное отличие серийного убийцы из Новокузнецка от многих других. **Андрей Чикатило** — 43 жертвы за 8,5 лет. «**Битцевский маньяк**» **Александр Пичушкин** — 49 доказанных убийств за 5 лет. «**Ангарский маньяк**» **Михаил Попков** — около 90 погубленных жизней за 20 лет. А на счету «Сибирского потрошителя» 20 человек, зверски убитых всего за 9 месяцев.

Чикатило и Пичушкин заманивали своих жертв в безлюдные места. Попков приглашал женщин в машину и увозил подальше от посторонних глаз. Новокузнецкий же маньяк действовал, не покидая квартиры. В его загаженной мусором спальне погибали в страшных муках женщины и дети, их тела кромсали на части, чтобы вынести на улицу и избавиться от улики, но соседи

по девятиэтажному «человеянику» даже не знали, что творится в квартире номер 357. Или все-таки знали?

А еще эта история поражает тем, что маньяку помогала его собственная мама. Или даже направляла его?

Я стою над Абой, вглядываясь в ее тихое течение. Дети беззаботно крошат батон, утки крикают, город гудит машинами. За три десятка лет сменились поколения. Для большинства горожан, кажется, этот берег Абы уже не воспринимается как «то самое место». Привязка местности к ужасам 1996 года, на первый взгляд, давно стерлась, забылась. Но при этом бывший одноклассник серийного убийцы сказал мне сегодня утром:

— Этот человек стал для нашего города inferнальным злом. Примерно раз в пять лет Новокузнецк взрывается — возникают разговоры, что потрошитель вернулся!.. И тогда начинается паника.

То есть, его тень кружит над городом даже сейчас, спустя треть века.

У меня на руках копии материалов уголовного дела. В Новокузнецк я приехал, чтобы встретиться с участниками громкого расследования и досконально разобраться во всех нюансах этой истории.

Как из человека вызревал будущий маньяк? Что им двигало? Что осталось за кадром расследования и экспертиз? И, в конце концов, какую роль во всей этой истории на самом деле сыграла ЕГО МАМА?

Глава 1. Что принесла река

3 июня 1996 года, понедельник.

На части человеческих тел наткнулись дети, игравшие у реки — фрагменты рук и ног течением прибывало к берегу, они цеплялись за ветки деревьев, склонившихся над водой.

Аба, или как ее называют местные, Абушка, — река очень спокойная, умиротворенная. В этом месте, между мостами от проспекта Metallургов до улицы Орджоникидзе, ее ширина — метров 15, не больше.

Вспоминает **Евгений Марычев, в 1996-м — прокурор-криминалист Прокуратуры Кемеровской области:**

— *Конец рабочего дня, около 18 часов. Вызовов нет. Мы начинаем собираться по домам. У нас, областных прокуроров-криминалистов, был один кабинет на троих в здании городской прокуратуры. И вдруг открывается дверь, входит прокурор города Курочкин. Он прокурор Новокузнецка, а мы — сотрудники Кемеровской областной прокуратуры. (То есть, не его подчиненные. — Прим. автора). Говорит: «Ребята, там под мостом расчлененка какая-то. Идите сразу, все равно вас туда вызывать будут». Ну, мы собрались и пошли.*

Бывает же — то самое место на берегу Абы, где нашли останки, оказалось в пяти минутах ходьбы от здания прокуратуры. Только дорогу нужно было перейти... По

размерам прибавшихся к берегу фрагментов тел было очевидно, что это дети.

— И нам сразу стало ясно, что разделявал совсем не профессионал. Судмедэксперты это потом подтвердили, — рассказывает полковник юстиции Сергей Плишов, в 1996-м — прокурор-криминалист Прокуратуры Кемеровской области. — Ну, допустим, кисть была отчленена. Детская ручка и так короткая — зачем ее расчленять еще? И она расчленена была не по суставу, а распилена по кости. Зачем? Человек, имеющий какие-то маломальские навыки будет по суставу резать, ему и пила не нужна. А здесь — кисть руки и фрагмент предплечья...

Слухи о страшных находках на Абушке быстро разлетелись по городу. Насколько это было возможно в эпоху, когда еще не было соцсетей и интернета. 6 июня самая тиражная городская газета «Фронт» опубликовала заметку с заголовком: «В городе завелся Чикатило?» На фотографии, сделанной на заросшем ивами берегу реки, несколько пацанов лет 10–12. Смотрят в камеру, улыбаются. Не осознают еще весь ужас своей находки... А вот взрослым было совсем не до улыбок.

Замначальника Центрального РОВД по фамилии Шрайвер рассказал журналистам, что только за первые сутки поисков из реки выловили 24 фрагмента тел:

«Части тел принадлежат детям в возрасте от 3 до 11 лет, одна из которых девочка. Эксперты допускают возможность того, что дети могли быть из одной семьи».

Из материалов уголовного дела:

«Давность наступления смерти лиц, которым принадлежали обнаруженные фрагменты тел, составляет от 2 недель до 1,5 месяцев до обнаружения фрагментов тел при условии их пребывания в воде».

В следствии считали, что преступник (а может, и несколько преступников) приходил к реке с частями тел не один раз — сразу пять тел, даже детских, никто не мог бы унести. Еще одна гипотеза: возможно, маньяк бросал их в воду прямо с мостов в черте города. Поэтому милиция через прессу обратилась к горожанам:

«Кто-нибудь мог стать случайным свидетелем, как что-то объемное сбрасывают в реку — сообщите об этом в милицию, помогите найти маньяка. И еще обращаемся к многодетным семьям: проверьте, все ли ваши дети на месте...»

— Вы представляете, что это такое для Новокузнецка, когда по реке пошел массовый всплыв этих тел? Это переполох полнейший! — говорит мне полковник полиции в отставке Александр Орешин, в 1996-м — замначальника уголовного розыска Центрального РОВД Новокузнецка. — Эти тела... Хотя какие это тела — обрубки. Ни рук целых, ни ног, ни голов... Естественно, все начали бегать, искать, откуда, что и как. Эти останки шли по течению — к одному берегу пристали, к другому. Мы же их несколько дней находили. В один день нашли, прочесали всю эту речку, а через день, через два — опять плывут. Чтобы понять, что к чему, мы под мостом на Абушке закрепляли металлическую сетку. У нас ведь Абушка сначала по городу течет, а потом выходит в Томь. То есть тело, если его не найти, может уйти в Томь, оттуда — в Обь, которая впадает в Северный Ледовитый океан. Так вот, мы тогда с трудом достали дефицитную сетку-рабицу, чтобы реку на ночь перекрыть под мостом в надежде, что еще какие-то части тел «поймаем». Утром пришли, а сетки нет. Украли! Представляете, что за время дикое было?

Прокурор-криминалист Марычев:

— Мы начали прикидывать, что у нас выше по течению. Детская больница. Патологоанатомический морг

детский. Еще выше — несколько детских домов, детский интернат...

Оперативник Орешин:

— Абушка-то у нас выше по течению идет через Прокопьевск (200-тысячный город в 35 километрах от Новокузнецка. — Прим. автора). А мы ведь даже не знали, откуда именно эти части тел плывут. Поэтому пытались вычислить, где их могли кинуть в воду. Бутылки пластиковые наполняли частично водой, закрывая крышками, чтобы они не тонули, и бросали в Абу чуть ли не от того самого Прокопьевска. Смотрели, куда приплывет та или иная бутылка (их, конечно, подписывали — где и когда брошена. — Прим. автора). По моим подсчетам вышло, что все это могло быть у нас, в городе. Например, у ближайшего моста на проспекте Курако. Бутылки, выброшенные еще выше, не доплывали до места, где нашли останки. Как потом выяснилось, рассчитали-то мы все правильно. Вот только убийцу или убийц, которые бросили части тел в воду, по горячим следам так и не нашли...

То, что осталось от неизвестных несчастных детей, вылавливали из реки еще целую неделю — до 9 июня. В конце концов собрали 42 (!) фрагмента. Внимательно изучив их, судмедэксперты обнаружили 9 колото-резанных ран на трех телах из пяти — в том числе в областях живота и груди. Если они были нанесены при жизни, вполне могли стать причиной смерти ребят.

ЭКСПЕРТ ОБЪЯСНЯЕТ

Как судмедэксперты «собирают» тела из фрагментов?

Судебно-медицинский эксперт, сотрудник Пироговского медицинского университета, член Российского союза писателей, общественный деятель Алексей Решетун:

— Работа эксперта с расчлененными фрагментами человеческого тела принципиально не отличается от работы с целым трупом.

Для судмедэксперта все начинается с осмотра на месте обнаружения. Далее все эти фрагменты маркируются, им присваиваются номера. И в таком виде, с бирками и маркировками на пакетах, они транспортируются в судебно-медицинский морг. Если речь идет о частях тел, эксперт отвечает на какие-то специфические вопросы следователя, которые не ставятся при работе с обычными трупами. Например, принадлежат ли фрагменты одному и тому же трупу, чем было причинено расчленение, прижизненно или посмертно было причинено расчленение и так далее.

— Как судмедэксперты устанавливают, какие части тела принадлежат одному человеку? Визуально? Собирая человека на столе из подходящих фрагментов?

— Существуют разные способы. В том числе и визуальный, конечно. Но, помимо этого, есть еще оценка линии отделения, механизма образования отделения, морфологии (так называют изучение повреждений. — Прим. автора) — на коже, на мягких тканях, на костях. Также есть дополнительные исследования. Раньше, если мы говорим о 1990-х, определяли группу крови каждого фрагмента и затем сличали. А сейчас обязательно проводится генетическая экспертиза, то есть от каждого объекта берут материал для проведения молекулярно-генетического исследования и сравнивают.

Но на тот момент кроме самих кистей, стоп и грудных клеток у следствия не было никаких улик, никаких зацепок. Запрос по объявленным в розыск детям ничего не дал. Попадались в списках пропавших дети похожего возраста, но при перепроверке выяснялось, что это не те.

Тогда кто они? Разве могло быть, чтобы сразу пятеро детей исчезли, не оставив никаких следов? Разве могло быть, что их никто не искал, не объявил в розыск? Тем более за целых полтора месяца, которые — по заключению экспертов — могли пройти с момента убийства детей... Честно говоря, когда я приехал в Новокузнецк разбираться в деталях этой истории, у меня это в голове не укладывалось: ну разве возможно, что их не искали? Детей?! А бывшие прокуроры и милиционеры, с которыми я разговаривал, смотрели на меня, как на сумасшедшего, который ни черта в контексте «святых» 1990-х не понимает.

— Знаете, сколько тогда беспризорников в Новокузнецке было?! — говорили мне совершенно разные люди, но практически одними и теми же фразами. — Их были сотни. Сотни! Они сбивались в группы и обща жили, кормясь вокруг железнодорожного вокзала. Помимо местных там было много детей, которые ехали в полумиллионный Новокузнецк со всей области.

— **Каких еще беспризорников?** — искренне не понимал я.

— Фильмы про Гражданскую войну видели? Вот примерно таких... Голодных, холодных и обреченных умирать на улицах, потому что родителям эти лишние рты не нужны.

Я засел в Новокузнецкой библиотеке имени Гоголя, штудирова местные газеты 1996 года, и передо мной прямо на страницах с печатными строчками и фотографиями открывались ворота в преисподнюю... Через две-три заметки я вдруг понял, что все это, конечно, знал. Потому что сам рос в 1990-е. Просто моя память почему-то заблокировала часть самых жутких воспоминаний. Есть у нее такое странное свойство. Защитное.

Глава 2. Те, которые «шáбят»

Первое, чем тебя встречает Новокузнецк, — духоподъемные стихи. Когда ты выходишь из здания железнодорожного вокзала или автовокзала (они здесь по соседству), сразу видишь слева огромные буквы, закрепленные на крыше бежевой пятиэтажки еще с глубоких советских времен. Ведешь взгляд дальше, направо, от дома к дому — и эти слова собираются в строфу:

*Я знаю — город будет,
Я знаю — саду цветуть,
Когда такие люди
В стране в Советской есть!*

Лично я, как и всякий советский школьник, эти слова помню наизусть, хотя никогда не учил специально. Это концовка известного стихотворения Владимира Маяковского. Правда, я запомнил, что в 1929 году поэт посвятил его именно Кузнецку (так долгое время назывался город) и его жителям. Сто лет назад в этих местах закипала грандиозная стройка...

Вообще годом основания Новокузнецка называют 1618-й. Тогда на правом берегу реки Томь возвели первое укрепление — деревянный острог. Он стал одним из бастионов, стоящих на пути набегов местных племен. В России уж пять лет как завершилась Смута, но в 1617-м, например, объединенные отряды кочевников атаковали довольно крупный Томск. В начале 1800-х вместо того

острога построили каменную Кузнецкую крепость, которая сохранилась и до нашего времени. Сегодня это одна из достопримечательностей города.

Но настоящий расцвет Кузнецка начался в конце 1920-х, когда в СССР стартовала индустриализация и здесь начали строить гигантский металлургический комбинат. Место выбрали неслучайно — печи, «выпекающие» металл, должны были работать на руде Урала и угле Сибири. И то, и другое сюда было удобно доставлять по железной дороге.

В советское время город стал одним из важнейших центров промышленности и добычи угля. Практически в каждой семье кто-нибудь да работал либо на одном из здешних металлургических комбинатов, либо в шахтах. В год развала Советского Союза (1991) в Новокузнецке жило более 600 тысяч человек (сейчас 520 тысяч) — на 80 тысяч больше, чем в областной столице, городе Кемерово.

Проблемы, как рассказывают местные, начались еще в **перестроечные годы**. (См. Справку). В 1989 году по всей стране, в том числе на Кузбассе, забастовали шахтеры. Забойщики жаловались, что нормы выработки постоянно повышаются, при этом обеспечение угольных регионов продовольствием и промтоварами упало. Также они требовали, чтобы вечерние и ночные смены оплачивались по повышенным тарифам, чтобы на шахтах ввели единый выходной — воскресенье, чтобы у предприятий не отбирали весь уголь, а позволили часть «черного золота» продавать самостоятельно, в том числе за границу, — тогда за счет этих денег шахты могли бы улучшать «соцпакеты» своим работникам. **Генсек ЦК КПСС Михаил Горбачёв** обещал решить вопрос...

Справка

Перестройка

Новый государственный курс, объявленный после прихода Михаила Горбачёва на пост генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Советского Союза. В 1985 году он провозгласил так называемое Ускорение, которое должно было подтолкнуть развитие машиностроения и народного хозяйства. А через два года, в 1987-м, когда стало ясно, что **Ускорение** не принесло никакого эффекта, была объявлена Перестройка.

Озвученная задача новых реформ — **«преодоление эпохи застоя и обновление всех сторон жизни страны»**. Лозунги — **«гласность»** и **«демократизация»**. В СССР наконец-то легализовали частное предпринимательство (стали появляться **кооперативы**), отменили цензуру, начали укреплять отношения со странами Запада. Но вопреки ожиданиям команды Горбачёва, экономика страны разваливалась, повсеместно возник дефицит товаров и продуктов питания, появилась инфляция (о существовании которой советские люди не подозревали в течение целых десятилетий), а на окраинах государства стали возникать межэтнические конфликты. В итоге все закончилось распадом СССР на удельные республики и фактическим поражением в «холодной войне».

— *Шахты, металлургические предприятия, в конце 80-х — начале 90-х годов начали как бы самостоятельно работать, по так называемому бартеру, отправляли уголь, металл в том числе за границу. В Японию особенно, — рассказывает советник юстиции Александр Шелков, в 1996-м — старший следователь Прокуратуры Кемеровской области. — И по бартеру предприятия получали много японской теле-радио-видео-аппаратуры, бытовую технику, легковые автомобили. Первыми, насколько я помню, пошли легковые «Ниссаны». Их начали на предприятиях распределять между рабочими и начальством. Не бесплатно, конечно — да, их надо было покупать, но по приемлемым ценам. То есть, у некоторых людей вместо стандартных «Жигулей» и «Москвичей» появились красивые импортные машины, прочая техника,*

а потом пришли те, кто захотел все это отнять для перепродажи. Отсюда и пошло: весь криминал начал на этом подниматься. Бандиты вынуждали работяг продавать свои машины за копейки. У кого-то просто отбирали, избивали. Бывало, что и убивали. Тогда везде бардак был, конечно.

А потом, в 1991-м, началось такое, что потоком снесло большую часть страны... Тотальное обнищание. В эпоху официально объявленного капитализма десятки миллионов человек сразу сползли на обочину жизни.

Но вернемся к беспризорникам. Вот заметка 1996 года о том, как журналистки новокузнецкой газеты «Фронт» **Елена Величко** и **Наталья Суханова** несколько часов общались с задержанными бродяжками в отделении милиции:

«На вопрос «Почему не живете дома?» отвечают по-разному. Родители — «синяки», приходится сбегать от побоев и вечных пьянок. Одна девочка оказалась на улице потому, что умерла мать, а отцу она не нужна. Бывает и так, что просто негде жить — мама с папой пропили квартиру. Двух братьев выгнала из дома мачеха, пока отец лежал в больнице».

Милиционеры объясняли репортерам, что после 14 лет большинство из этих ребят попадут в тюрьму — с таким-то образом жизни:

«Двенадцатилетние пацаны признаются, что бутылки водки на одного уже бывает мало. Привокзальная площадь буквально усеяна целлофановыми мешками, перепачканными клеем. «Шабят» (то есть токсикоманят) для того, чтобы «смотреть мультики» и чтобы не так сильно хотелось есть.

Под действием «мультиков» один подросток «вышел» в окно третьего этажа — померещилось, что его кто-то позвал. Спасти не удалось. «Обшавившимся» любое море

по колено, они становятся агрессивными и слабо понимают, что делают. Недавно в таком состоянии четырнадцатилетнего парнишку закололи до смерти вилками (!) его же друзья».

Беспризорники живут в теплотрассах и по подвалам. Иногда в заброшках. «Зарабатывают» попрошайничеством, кражами или «опрокидыванием». Последнее — это когда несколько подростков налетают на очень пьяного прохожего, отнимают у него деньги, снимают одежду и обувь — для себя или перепродажи. Причем часто девочки участвуют в кражах и грабежах наравне с пацанами.

В заметке другой местной газеты «Кузнецкий рабочий» майор милиции рассказывает про своих постоянных «клиентов»: двоих малолетних преступников ловят уже на двенадцатой (!) краже, а на счету еще одного мальчишки несколько ограблений. При этом на них даже уголовное дело завести нельзя, потому что им еще нет 14 лет. (См. Справку).

Справка

В России уголовная ответственность наступает в 14 лет. Начиная с этого возраста можно получить реальный срок по более чем 30 статьям (полный перечень — в статье 20 УК РФ). Основные из них: убийство, похищение человека, кража, грабеж, разбой, вымогательство, теракт и так далее.

С 16 лет можно попасть под суд вообще по всем статьям Уголовного кодекса России.

Для сравнения, в некоторых штатах США детей разрешено судить, начиная с... 10 лет — по так называемым федеральным преступлениям (в их число входит, например, похищение людей, ограбление банка, жестокое обращение с животными). В Великобритании возраст уголовной ответственности также наступает в 10 лет. В некоторых странах ЕС (в том числе во Франции) — в 13.

Тот же район вокзала, где я в наши дни любуюсь стихами про «город-сад», в середине 1990-х был центром Новокузнецкой проституции. Здесь торговали и взрослыми,

и детьми. В городских газетах 1996 года я нашел жуткие истории о 10-летних (!) проститутках. Некоторых на панель выводили собственные родители, окончательно пропившие мозги и души. Иногда в качестве сутенеров выступали подростки постарше, предлагавшие девчонок, живущих с ними в подвалах. За детей извращенцы платили по 15–20 тысяч рублей. Вот вам стоимость исковерканной судьбы. В средних ценах по России за 1996 год — это (я подсмотрел в данных Росстата) полкило полукопченной колбасы. Или две банки тушенки. Или бутылка водки.

И еще нюанс для понимания: 15–20 тысяч — то, что получал посредник-продавец. Самим маленьким проституткам доставалось в лучшем случае 25–30% от всей суммы. Этого хватало на какой-то мизер еды, которую нужно было разделить с другими ребятами из «стаи» и на то, чтобы «сходить в кино», — так новокузнецкие беспризорники называли между собой акт токсикомании. Бросившие их родители пытались укрыться от реальности в алкогольном тумане, а дети нашли другой способ.

Со временем многие из этих оставшихся на улице подростков понимали, что у них на руках билет в один конец. В той же газете «Фронт» рассказали историю про 15-летнего беспризорника из соседнего Прокопьевска. Он вышел на центральную площадь города и публично попытался покончить с собой. Когда его везли в больницу, парень рыдал, что не может так больше жить.

Господи, какое же это было поганое время!

ЭКСПЕРТ ОБЪЯСНЯЕТ

Что такое токсикомания?

Врач-нарколог, психиатр, психотерапевт Василий Шуров:

— Вещества вроде бензина, клея или некоторых аптечных препаратов официально не входят в список наркотических средств. Хотя они тоже дают тяжелую **гипоксию** (кислородное голодание

мозга. — Прим. автора), эйфорию, изменяют сознание употребляющих. Терминологически это вроде бы и другое, но по факту — те же наркоманы, только вид сбоку. Плюс еще и малолетние. Как это действует на мозг? Дело в том, что у подростков мозг еще не до конца сформировался, и тут они начинают его травить. У токсикоманов гибнет определенная масса **нейронов** (нервных клеток, объединенных в одну систему, которые отвечают за чувствительность человека, передают команды внутренним органам и так далее. — Прим. автора). Естественно, токсикоманы — это кандидаты на слабоумие, если их не останавливать, если ими не заниматься. В контексте того времени токсикоманией занимались в основном дети из неблагополучных семей, те же беспризорники — чтобы не чувствовать голод, холод, как-то себя развеселить. И для многих это была первая ступень на пути к настоящим наркотикам. Все это очень сильно уменьшило у нас в 1990-х количество молодых людей. Бывает, оказываешься на кладбище, идешь, смотришь на даты смерти на надгробиях и понимаешь, что в середине-конце 1990-х была настоящая наркологическая эпидемия. Там лежат совсем юные ребята.

Итак, в списках пропавших детей не удалось обнаружить тех, кто подошел бы по профилю найденных в Абе останков. Поэтому у следствия и возникла версия, что расчлененные — из беспризорников. Ведь они могли бог знает сколько времени жить на улице и либо родители подавали в розыск когда-то давно, либо вообще не искали.

Смушал и разлет по времени, когда эти дети могли быть убиты, согласно предварительной экспертизе, — от двух недель до полутора месяцев назад.

— Там же были сильные гнилостные изменения, — объясняет криминалист Марычев. — Плюс какое-то время останки пробыли в воде. При таких условиях гораздо тяжелее определить более-менее точное время наступления смерти. На тот момент судмедэксперты могли сказать только плюс-минус столько-то.

В следствии начали отрабатывать версию про беспризорников, о возможном исчезновении целой группы оперативники расспрашивали других уличных мальчишек

и девчонок. Но параллельно шла работа и по другим версиям.

— *Помимо всего прочего это ведь выглядело и как некий публичный акт или акт устрашения, — говорит оперативник Александр Орешин. — Как будто кто-то специально пустил по реке полсотни фрагментов человеческих тел.*

— **Чтобы их непременно увидели и весь город стоял на ушах?**

— *Да. Именно так.*

Опытные опера, конечно, сразу вспомнили, что до этого в милицейские сводки уже попадали истории с отсеченными конечностями. Это был почерк одной из самых лютых новокузнецких банд.

Глава 3. Кровь из фильмов ужасов

— *Новых членов этой банды заставляли постоянно смотреть видеофильмы ужасов, где убивают людей и расчленяют трупы. Это делалось, чтобы новички привыкали к крови, — вспоминает следователь по особо важному делу Генпрокуратуры СССР и России в отставке Валерий Костарев. В 1992 году Валерий Евграфович был в группе следователей, раскрывших дело маньяка Фишера, а в 1996-м расследовал дело Новокузнецкой ОПГ. — Обычно новобранцам сразу давали задание убить человека. Так их вязали кровью.*

На рубеже 1980–1990-х в Новокузнецке появилось сразу несколько небольших банд, которые вышли из «ангаров» — так называли спортшколу, где готовили борцов. Одну из таких группировок возглавил мастер спорта по вольной борьбе **Владимир Лабоцкий**. Перспективный спортсмен, многократный победитель первенств Кемеровской области. После армии он решил было вернуться в спорт и даже начал готовиться к выступлению на чемпионате СССР 1987 года, но внезапно передумал. У него появились новые интересы.

— *Это уже перестроечное время, — продолжает Костарев. — Начались проблемы с выплатой зарплат, появился бартер между предприятиями — людям вместо денег давали какую-нибудь продукцию. Например, телевизоры, соковыжималки и так далее. Но телевизор ведь съесть не сможешь, поэтому чтобы хоть как-то*

прокормить свои семьи, граждане пытались это добро реализовать. Тут им «на помощь» и приходил Володя Лабоцкий.

Прямо на территории местного металлургического комбината бывший чемпион организовал пункт приема техники. Выкупал ее у работяг за копейки, а потом перепродавал в городе через магазины по рыночной цене, то есть со своими накрутками. Когда-то это называлось спекуляцией, а теперь стало законным бизнесом.

Молодые и голодные парнишки из «ангаров» смотрели на Лабоцкого с восторгом. Все ведь видели: у того вдруг появилась иномарка, деньги. Поэтому, когда он предлагал кому-то присоединиться к его «коллективу», мало кто отказывался.

Изначально в этой «бригаде» было всего 8 человек. Они начали заниматься мелким **рэкeтoм**. Но при этом у Лабоцкого были весьма амбициозные планы подмять под себя весь криминал большого Новокузнецка. И подход у него был почти «научный».

Справка

Рэкет

Термин racket родом из США. Он появился в гангстерские 1920-е, когда многие сферы бизнеса подмяла под себя мафия — банды мигрантов из Италии (по-итальянски ricatto означает «шантаж»). Рэкет — вымогательство под угрозой физической расправы или с использованием похищений людей.

У нас рэкетирь как термин и явление появились на закате СССР. Группы спортсменов и уголовников предлагали кооперативщикам свою «крышу» за ежемесячную долю от доходов. Наличие «крыши» предполагало, что, если к предпринимателю придут другие бандиты и тоже начнут вымогать, с ними договорятся или разберутся. В 1990-е явление стало повсеместным.

По некоторым оценкам, в тот период рэкетирам платили до 80% коммерческих организаций.

— Люди Лабоцкого собирали информацию, как поделены сферы влияния, какой авторитет крышует ту или иную точку. «Буквально весь город так расписали для аналитики», — говорит Валерий Костарев. — Решили начать с зачистки мелких банд, захватывая их объекты. О себе группировка Лабоцкого громко заявила в 1991 году. Бывший спортсмен понимал, что ни пистолетом, ни гранатой теперь никого не удивишь, а им для устрашения нужна «слава» беспредельщиков, способных на все. Его люди вооружились **зачoченными до звoнa туристскими топориками** и начали устранять конкурентов, калечить коммерсантов, которые отказывались «сотрудничать». Они просто приезжали к очередной жертве с кейсом и показывали лежащую в нем отрубленную кисть: «Не будешь платить — положишь сюда свою руку». И все платили.

Оперативник Александр Орешин:

— Я сам выезжал на такие происшествия. Людям руки-ноги отрубали топориками для устрашения. И даже взрывали. Был случай, когда в районе ДОСААФ собрались на разборку люди Лабоцкого и еще одна группировка. И первые, чтобы уничтожить конкурентов, просто-напросто закидали их гранатами. Выжил только один. Там было просто месиво!

Когда пошла слава о банде беспредельщиков, ее ряды начали пополняться все новыми спортсменами. В конце концов под началом Лабоцкого собралось около полусотни «бойцов». Своей правой рукой он сделал **Игоря Барыбина** (на тот момент носил фамилию Шкабара) — тоже мастера спорта и в придачу бывшего десантника. В банде этот человек отвечал за убийства, подбор исполнителей и считался самым отмороженным. Именно Барыбин-Шкабара заставлял новичков садиться у видеомагнитофона и часами смотреть кассеты с фильмами ужасов.

Люди Лабощкого быстро зачистили Новокузнецк от сильных конкурентов и разделились на два «филиала». Сам босс с приближенными переехал в Москву, чтобы зарабатывать на заказных убийствах других бандитов и предпринимателей, за которые очень щедро платили. Со временем банда превратилась в настоящий синдикат киллеров — для слежки за своими жертвами они использовали суперсовременную аппаратуру, умели профессионально гримироваться, перевоплощаясь в самых разных людей. Например, один из участников банды, чтобы добраться до заказанного ему человека, переоделся в... проститутку. Бандит, которого нужно было убить, знал киллера в лицо, но в парике и гриме не опознал! Кто-то переодевался в неформалов с ирокезами на голове, кто-то — в бомжей-стариков.

В одной только Москве банда использовала около 20 (!) съемных квартир, на которых киллеры отсиживались после очередных убийств и хранили оружие, а также больше десятка машин. В общей сложности члены банды Лабощкого причастны к убийствам более чем 40 человек.

Причем от других группировок того времени «Новокузнецкая ОПГ» отличалась агрессивным продвижением среди новичков четкой идеологии в духе американско-итальянских гангстеров 1920-х: беспрекословное подчинение главарям, недоверие друг к другу, безжалостность к жертвам и подельникам, провалившим задание. Новеньких в буквальном смысле зомбировали. Дошло до того, что в какой-то момент рядовым убийцам вбивали в головы, что они являются... борцами с криминалом. Мол, именно поэтому им поручают устранять лидеров других банд.

«Мне внушалось, что эти люди не имеют здравого рассудка, так как в основном являются наркоманами и прогнившими бывшими экама, — рассказывал потом

один из киллеров Олег Гнездич. — Они привыкли к своей безнаказанности и пытаются уничтожить нас, так как наша «организация» не платит деньги в их «общаки» и не подчиняется их законам. Будучи одержимым этой философией, я ощущал себя не грязным убийцей, а борцом с преступностью».

Киллеры-зомби... А что, если банда теперь подает какой-то сигнал, отправив в плавание по реке в центре города несколько расчлененных тел?

Версия была красивая, но, если разобраться, все-таки сомнительная. Во-первых, сам Лабощкий был взорван в Москве еще в 1994 году — постарался его приближенный Барыбин-Шкабара, который решил единолично захватить власть. В свою очередь Барыбина задержали в 1995-м. Это случилось после громкого убийства телеведущего **Владислава Листьева**. (См. Справку). Тогда фотоботы подозреваемых крутили по телевизору, печатали в газетах. Бдительный директор подмосковного санатория позвонил в милицию. Сообщил, что к нему на днях заехала группа мужчин с девицами и некоторые постельницы очень уж похожи на тех, из ориентировок. Подозрительных людей задержали. Потом выяснилось, что к делу Листьева они никакого отношения не имели, а вот к десяткам других убийств — очень даже.

Справка

Владислав Листьев

Родился 10 мая 1956 года в Москве. Окончил журфак МГУ, работал редактором на Всесоюзном радио, а в 1987 году стал одним из ведущих телепрограммы «Взгляд» — самой популярной передачи позднего СССР. В 1990-м Листьев выступил одним из соавторов и первым ведущим капитал-шоу «Поле чудес», сразу ставшего новым телехитом. Спустя год Владислав начал заниматься другими программами, которые вел сам («Тема», «Час

пик») или, продумывая всю концепцию, запускал в эфир с приглашенными ведущими («Угадай мелодию», «Звездный час»). В январе 1995 года Листьева назначили генеральным директором **ОРТ** — Общественного российского телевидения (ныне это Первый канал). А **2 марта 1995-го** все федеральные телеканалы России приостановили вещание и транслировали фотографию телеведущего в черной рамке: «**Владислав Листьев убит**». Накануне вечером журналист возвращался после съемок домой. В подъезде его поджидали. Два выстрела из пистолета с глушителем. Второй — в голову. Не взяли ни мобильный телефон, ни деньги (в кармане лежала 1 тысяча долларов — на тот момент — годовая зарплата среднего россиянина). Для всех было очевидно, что это заказное убийство. Однако преступление до сих пор нераскрыто.

В общей сложности сыщики переловили 38 (!) участников Новокузнецкой ОПГ. Те немногие, кому удалось сбежать, залегли на дно. С одной стороны, вряд ли в их интересах было привлекать к себе внимание новым «актом устрашения». Или все-таки могли они пойти на такое? Да, ром, что ли, их когда-то называли самыми отморозенными на Кузбассе?

— Нет, подтверждений этой версии мы не нашли, — говорит Александр Орешин. — Когда в Абе обнаружили части тел, мы сразу доложили наверх. Был приказ, что если более двух трупов — сообщать прямо в министерство. И из Москвы прислали подполковника МВД, а с ним в качестве свиты еще несколько человек. Версий они нам нагнали! Если выразаться приличными словами, работать не давали вообще. Мы должны были, по идее, оперативную работу проводить: где, что, как, откуда, работать со своим контингентом (осведомителями и предполагаемыми фигурантами). — Прим. автора), выяснить, откуда это все. Нас же все время дергали то туда, то сюда.

— Какие еще версии отрабатывали?

— Отрабатывали версию маньяка, конечно. Отправляли запросы на всех ранее судимых, психбольных

и прочих. Проверяли их, примеряя к убийствам этих детей. Но все равно эта версия как-то не укладывалась в общую картину. Допустим, маньяк. Но ведь серийный убийца обычно действует эпизодами: он совершит преступление и на какое-то время затихает, чтобы не быть пойманным. Тут же — сразу пять убитых за какой-то небольшой срок.

Еще одна версия — убийца может быть связан с разделкой мяса. Иначе как объяснить, что он решился на расчленение сразу нескольких тел? Обычный человек на такое не способен. Здесь ведь нужны навыки, какая-то подготовка, что ли. Это не было похоже на убийство из-за денег или бытовую ссору, когда человек убил сразу нескольких в запале, потом разделил их на части, а потом еще не раз и не два бегал с сумками к реке.

Прокурор Новокузнецка Владимир Курочкин в те дни также выступил на страницах газеты «Кузнецкий рабочий» с несколькими предположениями:

«Версий жуткого преступления много, и мы над всеми работаем. В том числе и над такой: убита семья. Либо произошла расправа над семьей, либо кто-то из членов семьи расправился с детьми. Не исключено, что жертвами стали беженцы (см. Справку), которых у нас в городе много...»

Справка

Беженцы

Так в те годы называли людей, бежавших из зон военных конфликтов, которые разразились на территории рухнувшего СССР. В Новокузнецке, в частности, это были либо бывшие жители **Нагорного Карабаха** (первая масштабная война там произошла в 1992–1994 годах), либо так называемые **люли** — цыгане из Средней Азии, которые прибывали из охваченной гражданской войной Таджикистана.

— Эти цыгане приезжали в Новокузнецк целым табором и селились где-нибудь на берегу реки, — рассказывает прокурор-криминалист Евгений Марычев. — Иногда ставили свои палатки в заброшенном сквере около вокзала.

— Их сразу было видно — женщины в полосатых халатах, с детьми на руках, — дополняет прокурор-криминалист Сергей Плишов. — Они побирались. Ходили по рынку, тянули людей за рукава, плакали, просили им помочь и так далее. Однажды, помню, покупал я на рынке фрукты. Подошел беженец, начал просить дать ему немного еды, а торговец его грубо прогнал. Я говорю продавцу: «Ну, чего ты, дал бы ему картошки, еще чего-нибудь». А он отвечает: «Пусть заработает! Я ему предлагаю: пойдём, вот машина пришла — разгрузи, я тебе заплачу или продукты еще сверху дам. А он не хочет... Ему проще ходить и побираться».

Время шло. Неделя пролетала за неделей. В конце концов следователям все-таки удалось выяснить, кем были те погибшие дети. Действительно беспризорники, ребята из окраинного Заводского района Новокузнецка — 10-летний **Саша Носовец** и его 11-летняя сестра **Оля**, их соседи **Ира** (14 лет) и **Дима** (12) **Воробьёвы**, а также **Миша Кравец** (11). У всех неблагополучные семьи. От родителей-алкоголиков, которые всегда находили деньги на водку, но не на еду, они сбегали с голодухи уже не в первый раз. Часто мотались с правого берега Томи до вокзала на электричках. И пропали, как выяснилось, еще в начале мая. Но что с ними могло случиться, никто не знал.

Вопросов вокруг выловленных из реки детских останков становилось все больше. А ответов до сих пор не было.

Тем странней, что, когда в следующий раз в двух кварталах от того злосчастного берега Абы пропали еще сразу трое подростков, на это особо и не обратили внимания.

Глава 4. Села батарейка

24 сентября 1996 года, вторник.

Эти девчата лежали в Новокузнецкой сельской больнице — она располагалась в самом центре города, но лежались здесь исключительно жители пригородных, сельских территорий.

Из показаний медсестры **Людмилы Жамеро**:

«24 сентября я работала с 8 часов утра до 5 часов вечера. После обеда я обходила палаты и обнаружила, что в 7-й палате отсутствуют Гальцева и Барашкина, а в 9-й — Бурнаева. Я спросила у других девочек, куда ушли эти девочки, мне ответили, что они ушли покупать батарейки к аудиоплееру. В этот день была хорошая погода, поэтому я подумала, что они погуляют и вернуться».

Старшая из этой троицы — **Оля Гальцева**, ей на тот момент уже исполнилось 15 лет. **Жене Барашкиной** и **Насте Бурнаевой** было по 13.

В половине пятого вечера медсестра закончила работу и сообщила о случившемся своей сменщице **Антонине Куликовой**. Та потом рассказывала на допросе:

«Я подождала девочек до 18 часов, после чего стала звонить в милицию, сообщила о пропаже детей. Мне ответили, что девочек надо подождать до утра, так как они могли уехать домой. Я всю ночь прождала девочек. Утром

на работу пришла старшая медсестра, я сообщила ей о пропаже девочек».

С точки зрения здравого смысла, здесь многое странно. Сразу три несовершеннолетние пациентки запросто покидают здание больницы и не возвращаются. Медсестра решает подождать и несколько часов никому не сообщает об инциденте — видимо, чтоб не попало. Позже ее сменщица все-таки звонит в милицию, но там отмахиваются и даже не присылают участкового. Некий поиск начинается только утром, когда старшая медсестра дает задание участковым врачам обзвонить родителей детей: а вдруг они уже дома?

По словам старшей медсестры **Любови Рымар**, в то утро она снова набрала номер милиции, но дежурный отфутболил ее в местный отдел по делам несовершеннолетних. Связалась ли женщина с ПДН — такой информации в уголовном деле нет.

«Гальцева и Барашкина уже не в первый раз проходили лечение в нашем отделении. Раньше уже были случаи, что они уходили из больницы в магазин за шоколадками или жевательной резинкой, — объясняла потом Рымар на допросах. — Магазин находится напротив нашей больницы и невозможно уследить, когда дети убегают туда из больницы, так как двери в больнице постоянно открыты для хозяйственного персонала».

Вскоре в больницу приехала мама Насти **Лариса Бурнаева**. Лариса еще не знала об исчезновении дочери, она просто приехала ее проведать. Настя поступила в больницу за день до своего исчезновения.

Кстати, тот самый плеер — магнитофончик размером с половину книжки, для которого понадобились батарейки, принадлежал именно Насте. Техника была китайской и не новой. У подкассетника — кармана, в который вставлялась кассета — были сломаны «ушки», поэтому при

вынимании кассеты крышка выпадала. А еще у плеера не работал динамик, так что музыку можно было слушать только в наушниках.

В день, когда Настя ложилась в больницу, они с мамой не успели купить запас батареек. Старые разрядились, поэтому Настя и попросила девчонок сходить с ней, пообещав, что «поделится». В скуке больничного распорядка музыка была одним из немногих развлечений. Тогда ведь, напомним, еще не было мобильных телефонов с интернетом.

Справка

Как звучал 1996 год

Судя по списку лауреатов телеконкурса «Песня года», тот год выдался урожайным на хиты. Многие из них звучат до сих пор — от ресторанов с живыми группами до школьных выпускных. Вот список некоторых песен:

«Иванушки International» — «Тучи».

Лариса Долина — «Погода в доме».

Татьяна Буланова — «Ясный мой свет».

«Фристайл» — «Ах, какая женщина».

Наташа Королёва — «Маленькая страна».

Татьяна Овсиенко — «Школьная пора».

Анжелика Варум — «Зимняя вишня».

Иностранные хиты, которые в 1996-м разрывали все российские дискотеки, тоже давно стали ретро-классикой — **«Macarena» (Los del Río)** и **«Coco Jambo» («Mr. President»)**.

По словам Ларисы Бурнаевой, медсестра ей рассказала, что дочь с еще двумя девочками сегодня не ночевали в больнице, и предположила, что Настя могла уехать к бабушке. Женщина бросилась на другой конец города к матери, но Насти там не оказалось. Лариса объехала всех родственников — и снова без результата.

Когда она вечером вернулась в больницу, ей сообщили, что верхняя одежда Насти и других девочек

по-прежнему в больнице. Уходя, они не взяли вещи. Хотя на улице конец сентября, к вечеру становится прохладно. Значит, действительно собирались только сходить в магазин и вернуться назад?

Всякие мелкие лакомства, за которыми многие дети бегали из больницы, можно было купить в магазинчике напротив. А вот за батарейками приходилось ходить к большому магазину «Русский лен», который находился на первом этаже длинной пятиэтажки на Пионерском проспекте, 46. Как выяснилось чуть позже, в этом магазине их в тот день видела еще одна девочка из больницы — они там на минуту пересеклись. А вот куда Настя, Оля и Женя исчезли потом? В наши дни, когда все улицы и магазины напичканы камерами видеонаблюдения, выяснить это было бы несложно. А в то время можно было полагаться разве что только на наблюдательных случайных очевидцев.

Я прошел по маршруту, по которому 24 сентября 1996-го должны были идти девочки. Сначала вдоль больницы корпус, потом через арку между подъездами пятиэтажки, и вдоль того самого длинного дома. Мой путь неспешным шагом до магазина, который раньше назывался «Русский лен», занял чуть больше трех минут.

То есть девочки бесследно пропали в каких-то трех минутах от больницы. И больше их никто не видел.

Глава 5. Девочки из хороших семей

Все они были из нормальных, по-настоящему приличных семей. И ни одну, ни другую, ни третью нельзя отнести к трудным подросткам, которые сбегают из дома.

Из показаний 15-летней **Аллы Сударевой**, которая лежала в одной палате с Олей и Женей, а также успела подружиться с Настей из 9-й:

«Всех этих девочек я могу охарактеризовать только положительно. Ни одна из них не курила, не употребляла спиртного. У меня были с этими девочками достаточно откровенные разговоры, в том числе и об их взаимоотношениях с мальчиками. Я могу точно сказать, что они не жили половой жизнью...»

Олю Гальцеву воспитывала одна мама. Папа ушел, когда Оле было всего 6 месяцев. Уже в подростковом возрасте она выяснила, кто ее отец, знала его визуально, но мужчина не горел желанием общаться с дочерью.

Оля выросла в сельской местности — они с мамой жили в поселке Терёхино. В 1996-м маме (она работала дворником в Новокузнецке) дали квартиру в новостройке на окраине города. Девочка сначала переехала туда, но потом попросилась обратно в деревню — в пригород Чистогорск, где жила мамина сестра с семьей.

Лучшие друзья Оли — двоюродная сестра **Оксана Гальцева** (она на год старше, ей уже 16) и несколько соседских ребят.